

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1994 г., ЭО, № 2

О. Остеруд

СУВЕРЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Дилемма мирового порядка. Лозунг «нового мирового порядка», провозглашенный президентом Бушем во время кризиса в Персидском заливе, означал прежде всего видение мира, в котором наконец вступила бы в действие коллективная безопасность: агрессоры — нарушители международного права умирлялись бы совместными действиями миролюбивых государств через посредство ООН. Этот лозунг приобрел более широкий смысл сразу после войны в Персидском заливе. Действия США и их союзников с целью спасения курдов внутри Ирака рассматривались как провозглашение нового понятия условного государственного суверенитета, ограниченного всеобщими нормами прав человека.

Здесь вступили в конфликт три различных принципа. Первый — принцип суверенной государственности и территориальной целостности, на который ссылался Ирак, защищая свою исключительную власть в пределах своей территории после кувейтского разгрома. Второй — принцип коллективных действий в защиту международного права в законном соответствии с рядом резолюций Совета Безопасности, принятых в конце 1990 г. Третий — принцип прав человека, не знающий границ, примененный к шиитскому населению и курдскому меньшинству внутри Ирака. Идея невмешательства непосредственно столкнулась с требованиями международной защиты курдов.

Судьба курдов живо напомнила принцип национального самоопределения, возникший при распаде империй после первой мировой войны. Курды чуть не получили суверенную государственность между севрским и лозаннским договорами в начале 1920-х годов. После относительно спокойного периода, с распадом Советского Союза и гражданской войной в Югославии, вновь появилось стремление к национальному самоопределению как угроза установившемуся государственному порядку. Эти события — главные проявления конца холодной войны и составляют стрезень всей идеи «нового порядка»¹. Мы сосредоточимся на сложном соотношении между тремя факторами: суверенной государственностью, самоопределением и правами человека. Зададим вопрос точнее: возникает ли «мировой порядок» там, где невмешательство вторично по отношению к международной поддержке самоопределения и прав человека?

Двусмысленность суверенитета. Принцип суверенной государственности зависит от понимания «суверенитета» и выработки критериев государственности.

Трактовка понятия «суверенности» темна и двусмысленна. Она исходит из высшей власти *суверена*, даже если ни один суверен никогда не имел абсолютной власти внутри страны и даже если суверенная власть за ее пределами была ограничена суверенной властью других. Государственный суверенитет касается международных аспектов государственности, и понятие это может носить формальный и сущностный характер. Однако сущностный суверенитет — едва ли нечто большее, чем просто регулятивная идея. Он означает ту или иную степень возможности реально контролировать внутригосударственные дела. Ни одно го-

сударство, как бы сильно оно ни было, не может полностью оградить свои дела от внешнего влияния. Часто суверенитет понимают как важнейшее условие, позволяющее властям каждого государства быть хозяевами в своей стране. Но в этом смысле требования полного суверенитета никогда не удовлетворяются².

С другой стороны, суверенитет — формальное условие, означающее свободу от вмешательства извне. Здесь суверенная государственность — это исключительная прерогатива юрисдикции каждого государства. Суверенитет — обеспеченное законом правило, ограждающее принятые решения от внешнего вмешательства. В этом смысле суверенитет ставит вопрос — все или ничего. Как законно-формальное условие он одинаково применим к сверхдержавам — гегемонам и микрогосударствам³.

Именно суверенитет подразумевает принцип невмешательства. В современной системе государств это основное требование международного права, записанное в Хартии Объединенных Наций. Однако указанный документ не избавил понятие «суверенитет» от юридических посягательств. Суверенитет любого государства ограничен территориальным суверенитетом каждого другого государства. Принцип *равного суверенитета* указывает условия суверенной государственности в рамках международного права. Поскольку суверенитет условен, существует потенциальный антагонизм между суверенитетом и законом. Возможным исключением из правила о невмешательстве являются действия в защиту соотечественников за границей, хотя и здесь, по-видимому, имеется неразрешенный правовой и политический спор⁴.

Государственная ответственность за безопасность иностранцев, а особенно за иммунитет дипломатов, широко признана, но пределы насильственного вмешательства при различных нарушениях правил постоянно оспариваются. Сочетание формальных ограничений суверенитета с неопределенными санкциями проявляется также и в других областях. Все международные соглашения о правах коренного населения, правах меньшинств и вообще о правах человека отрицают неограниченность внутренней юрисдикции и суверенной политики, хотя признание этих принципов практически не вызывало насильственных вторжений. Курдская операция союзников в Ираке в 1991 г. составляет исключение, хотя ее характер остается двусмысленным.

С точки зрения прав человека в широком смысле, между суверенитетом и правом несомненно существует противоречие. Все же идея коллективного вмешательства, легшая в основу юридических соглашений, не слишком сильно размыла принцип суверенной государственности, так как она имеет правовой характер.

Юридически известное определение «государства» было дано в первой статье конвенции Монтевидео 1933 г. о правах и обязанностях государств: «Государство как субъект международного права должно обладать следующими чертами: а) постоянным населением, б) определенной территорией, в) правительством, г) способностью вступать в сношения с другими государствами». Это определение еще имеет значение в дипломатических переговорах, и к нему часто прибегают, обсуждая прием новых кандидатов в клуб суверенных государств⁵. Когда Палестинский совет, например, провозгласил в конце 1988 г. суверенное палестинское государство, это притязание было отвергнуто большинством западных правительств, сославшихся на критерии Монтевидео: Западный берег и полоса Газы были спорными территориями, не имевшими фактического палестинского управления.

В соответствии с критериями Монтевидео, суверенная государственность представляется посредством признания, основанного на эффективности и фактической независимости. Это значит, что сначала возникает государство, воплощающее эти критерии, а затем этот уже существующий организм санкционируется посредством дипломатического признания. Однако подобная последовательность — это, пожалуй, одностороннее и потому обманчивое понимание того, как рождаются государства.

Критерии Монтевидео были предназначены для решения все обостряющейся в

XX в. проблемы. В XIX столетии статус суверенной государственности исходил из факта политического признания. Дипломатическое признание не было основано на точных правилах. За пределами государственной системы стран Центральной Европы речь шла о поддержке территориальной власти, достаточно крепкой, чтобы обеспечить нормальное дипломатическое взаимодействие с европейскими державами. Факт территориального контроля превращался в международный закон через признание. Признание же в свою очередь исходило из практики — практики партнерства по договорам, приглашений на межгосударственные конференции и участия в дипломатических обменах с господствующими европейскими государствами. Некоторые члены этой обширной системы государств признавались только иногда, другие принимали лишь минимальное участие в общих мероприятиях и не обладали на практике признанием со стороны всех главных держав. Система этого типа не включала определенного числа единиц, поскольку критерии государственности в значительной степени оставались неопределенными.

Система государств основывалась до начала XX в. на праве давности и включении по обычаю. Доктрина государственности носила неопределенный характер, потому что признание можно было толковать либо как кодификацию установленного статуса, либо как выражение практического акта, создавшего этот статус⁶. Таким образом, нужны были реальные критерии государственности, на которых ее можно было основывать, независимо от одного лишь акта признания.

Это требование стало насущным при созыве международных мирных конференций на грани веков (кого следует пригласить?) и, конечно, с организацией Лиги Наций после первой мировой войны (кто мог стать членом?). Допуск во всемирные организации не мог определяться просто «признанием» — здесь ставился вопрос о всеобщих критериях. Более того, никогда не предполагалось, что само членство в таких организациях — показатель государственности, поскольку независимые территории могли быть допущены туда по политической необходимости, а суверенным государствам могли отказать в допуске по политическим причинам. Ни допуск на Гаагские конференции, ни членство в Лиге Наций не были основаны на суверенной государственности. Некоторые из вошедших в Лигу Наций имели явно зависимый статус, а на Версальской мирной конференции и после нее, — как мы увидим ниже, — шли трудные дебаты о самоопределении. Последствия реализации идеи мандатных территорий тоже оставались неустановленными. Поэтому нужны были более формализованные критерии государственности. Предполагалось, что ответ будет дан конвенцией Монтевидео 1933 г. Там были провозглашены эмпирические требования к признанию суверенитета.

В основе критериев Монтевидео лежал принцип политической эффективности; до предоставления признанной государственности должна быть установлена подлинная независимость. Суверенная государственность уже не учреждалась посредством признания; провозглашалась государственность, основанная на уже обретенных на практике качествах. Территориальные организмы со стабильным и эффективным правительством защищались международным правом, их территориальная целостность была высшим правом внутри системы государств.

Решение, принятое в Монтевидео, оказалось совершенно недостаточным. Возникло множество суверенных государств, не удовлетворявших первичным требованиям правительственной эффективности. Отказывалось в международном признании также территориальным единицам, которые явно удовлетворяли выдвинутым критериям. В действительности увеличение числа суверенных государств коренилось во взрывчатом наследии, завещанном Версальскими договорностями и Лигой Наций.

Парадоксы самоопределения. С середины XIX в. принцип национальности вступил в противоречие с уже существующей государственностью. Сепаратистские движения звали к национальному принципу, требуя государственных границ, соответствующих «национальным», т. е. культурным или историческим критериям. Европейские юристы провозгласили этот принцип,

чтобы оправдать слияние германских и итальянских княжеств. В международной дипломатии принцип этот был впервые выдвинут на первый план союзными державами — особенно Соединенными Штатами — в качестве военной цели в период первой мировой войны. Доктрина самоопределения имела как либеральные, так и марксистские корни. На Парижской мирной конференции она применялась выборочно, например для роспуска Оттоманской и Габсбургской империй и для пересмотра европейских границ за счет территорий проигравших войну держав.

Впрочем, Лига Наций сумела устранить потенциальную взрывную опасность этой доктрины. Провалились первоначальные попытки изменить территориальную целостность государств при помощи принципа самоопределения Вильсона. Приоритет территориальной целостности был закреплен в Хартии Лиги Наций, и первый же пробный случай — вопрос об Аландских островах — привел к утверждению приоритета исторически установленных государственных границ по сравнению с сепаратистскими требованиями окраинных меньшинств. На смену решениям об их независимой государственности пришла в большинстве случаев формальная защита меньшинств, выражавшаяся в отдельных мирных соглашениях между соперничающими государствами, отчасти в международных заявлениях в поддержку притязаний меньшинств, а также в утверждении их права на апелляцию в Совет Лиги Наций.

Заморские колонии европейских государств не стали предметом заботы международной дипломатии об их национальном самоопределении, хотя подобные идеи высказывались в Версале и других местах. Правда, Ллойд-Джордж, например, иногда доказывал, что речь идет и о колониальном самоопределении, однако его взгляды на права туземных народов были ограничены *германскими* колониями. Интересы союзников сосредоточивались, в общем, на судьбе территорий побежденных стран. Послевоенная мандатная система выросла на основе решения проблемы германских колоний. Идея постепенного и направленного перехода к будущему самоопределению для наиболее эмансипированных территорий была удачным ответом на высказывавшиеся положения о «самоопределении», с одной стороны, и острую в послевоенное время проблему распоряжения германскими колониями без изменения военных репараций — с другой. Мандатная система была скромной, частичной, и ее начальная программа была далека от идей деколонизации по решению и под контролем колониальных держав.

Лига Наций явно старалась избежать двусмысленности Версальского соглашения, что и было закреплено в ее хартии в конвенции Монтевидео. Однако идея национального самоопределения все еще сохраняла свою притягательность. Мандатная система открыла щель для политического освобождения. В юридическом отношении провозглашенный принцип прав меньшинств делал суверенную государственность условной и ограниченной. Формально, а иногда и на практике между суверенитетом и правом возникало теперь некоторое напряжение даже тогда, когда позиция невмешательства оставалась высшим принципом защиты.

Двусмысленные положения Версальского соглашения, которые Лига Наций стремилась сгладить, в 1945 г. были записаны в Хартии Объединенных Наций. Вместо постановлений о защите меньшинств появилось заявление, что все народы имеют право на самоопределение. Конфликт между эффективным и устойчивым правлением, территориальной целостностью и доктриной самоопределения в общих терминах обострился, и это противоречие проявлялось даже тогда, когда народ с законным правом на государственность оставался необозначенным.

В Хартии Объединенных Наций имелось два отправных принципа, способствовавших росту числа суверенных государств после второй мировой войны. Один заключался во всеобщей идее самоопределения для всех народов (статьи 1 и 55). Другой был выражен в пунктах, касавшихся опеки и несамоуправляющихся территорий (особенно статья 73) с обязательством развивать на этих территориях

институты самоуправления и готовить их к постепенному переходу от колоний к мандатным территориям, а в конце концов к независимой государственности.

Первый принцип был безусловным и всеобщим, но в сущности неопределенным, лишенным ясного и бесспорного толкования. Второй был довольно специфическим обязательством создать практические предпосылки для эффективной государственности под патерналистским руководством колониальных держав.

В 1950-х годах под давлением международных сил оба эти направления приобрели политическую остроту, но фактически были радикально преобразованы: при безусловном признании первой идеи во время обсуждения второй был сделан упор на географические условия.

Проблема самоопределения рассматривалась теперь только в связи с заморскими колониальными территориями, где деколонизацию следовало проводить обязательно, причем право на суверенную государственность ограничивалось пределами колоний. Доктрина Объединенных Наций о самоопределении как деколонизации была кодифицирована в резолюции Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. Рост числа суверенных государств теперь ограничивался заморскими территориями, где этот процесс шел в рамках существующих колоний.

Тем самым были отмечены три разных понятия суверенитета. Первое — идея территориальной целостности, выдвинутая колониальными державами вроде Испании и Франции и подразумевавшая, что даже заморские территории могут быть по праву включены в пределы метрополии. Второе — так называемый бельгийский тезис, утверждавший, что все самоуправляющиеся области и народы должны быть освобождены на тех же началах, что и заморские области. Третье — этнонационалистическое притязание, заключающееся в том, что государственные границы должны выражать коллективную идентичность культурных групп.

Доктрина ООН превратила деколонизацию в ограниченный, контролируемый и предсказуемый процесс. Идеи территориальной целостности и невмешательства применялись как к старым, так и к новым государствам: деколонизация должна была совершаться сразу, но это касалось только заморских территорий.

Доктрина антиколониального самоопределения имела и другие далеко идущие скрытые смыслы. Для признания суверенитета уже не требовалось применять критерии Монтевидео — теперь деколонизация стала верховным правом. Государственность не признавалась, если заморская территория управлялась потомками европейских поселенцев, даже если соблюдались все четыре критерия Монтевидео. Это продемонстрировано судьбой Южной Родезии при режиме Смита. Понятие расового суверенитета означало, что правление меньшинства терпимо только в том случае, когда меньшинство имеет туземное, или, по крайней мере, неевропейское происхождение⁷. Приоритет давался искоренению остатков заморского колониализма, даже если явное большинство населения спорной области делало другой выбор — как показали антиколониальная делегитимация статуса португальского Гоа в начале 1960-х годов, судьба Южно-Молуккских островов и населения Восточного Тимора после провозглашения независимости Индонезии, а также борьба за Фолклендские острова в течение нескольких десятилетий.

Доктрина ООН не могла определенно ответить на вопрос о самоопределении. Внутри колониальных границ новых государств, а также не считаясь с этими границами, появлялись этнонациональные группы, требовавшие политических прав, автономии или независимости. Суверенитет как невмешательство использовался и для защиты как демократических, так и деспотических режимов. Расовый суверенитет не только отстранял меньшинство белых поселенцев от власти, но и создавал прикрытие для репрессий со стороны туземцев, а также для диктатур. Международные соглашения о правах человека вновь свидетельствуют об антагонизме между суверенитетом и правом. Что же из них перевешивает в современной системе государств? Мы сперва исследуем идею коллективных прав на негосударственной основе.

Суверенные и национальные права. Суверенная государственность кодифицирована доктриной невмешательства. Государство может быть довольно случайным конгломератом людей без коллективного самосознания, взаимных связей или групповых признаков — помимо государственной власти. Принцип национальности — это идея, предназначенная сделать состав государств более однородным — путем введения новой основы для политической легитимности. Определение этой другой основы упирается в известный вопрос о «сущности»: «народ не может определиться, пока кто-нибудь не решит, что это за народ»⁸. «Национальность» вне государственного гражданства — в этническом, культурном, историческом или субъективном отношениях — двусмысленна, аморфна, изменчива. Едва ли такое понимание национальности может образовать прочный правовой фундамент для суверенитета, поскольку имеется множество разнообразных национальных показателей, и невозможно предсказать поток требований государственности.

Не может быть «логики национального освобождения», исходящей из критериев государственности и суверенитета. Во-первых, есть области, где любая географическая граница перерезает идентичность групп или этнические показатели, потому что население в них смешанное и меняющееся. Сама деколонизация показала значение этой проблемы — буквально ни одно государство в период деколонизации не оказалось слишком мало для сепаратистского движения. Во-вторых, внутри национальных меньшинств часто имеются свои меньшинства, как показывают судьбы индусов в Пакистане, мусульман в Индии, англоязычных канадцев в Квебеке и т. д. Каждое африканское государство не только имеет свою Катангу, но даже Катанга имеет свою Катангу, как это испытал Моис Чомбе в начале 1960-х годов. В-третьих, освобождение одной национальной группы — это зачастую подавление другой. Групповое соперничество из-за одной и той же территории, как в Северной Ирландии или на Западном берегу Иордана, означает, что любое освобождение не есть освобождение для каждого человека. Национальные границы, проведенные согласно разным критериям, — истории, колониального единства, религии, языка или этничности — могут вызывать противоречивое отношение к ним, причем все участники дискуссии размахивают флагами национального освобождения — так, например, было в Индонезии или Западной Сахаре. Более того, этнонациональные сепаратистские движения обладают большой исторической пластичностью и изменчивостью, что и выразилось в мобилизации регионалистских сил в передовых индустриальных обществах.

Подсчитано, что суверенная государственность для всех этнонациональных групп породила бы в мире несколько тысяч государств⁹. Концепция национальности может быть еще неопределеннее, чем предполагают подобные оценки. *Принцип* национального самоопределения был бы совершенно революционным.

Приведенные прагматические аргументы в пользу территориальной целостности государств не исключают прагматических же аргументов в пользу сепаратизма или автономных меньшинств. Степень подавления или беспорядка может свидетельствовать о том, что расщепленный суверенитет — более законное и жизнеспособное решение. Можно защищать национальное самоопределение по особым обстоятельствам, даже если признать *принцип* национального самоопределения в общей форме двусмысленным и несостоятельным.

Однако остается еще один важный вопрос: означает ли внутреннее подавление национальных меньшинств или других групп и личностей, что невмешательство сейчас — уже нерациональный путь.

Гуманитарное вмешательство. О праве на военное вмешательство в защиту соотечественников за границей в настоящее время ведутся международные споры. Великие державы иногда выступали в поддержку такого вмешательства, как действия США в Гренаде в 1983 г. Однако это право отвергнуто несколькими резолюциями Генеральной Ассамблеи, главным образом потому, что оно могло бы быть использовано для вмешательства в дела иностранных государств по другим причинам. Высшим принципом ООН является невмешательство

Однако вряд ли найдутся примеры насильственного вмешательства под гуманитарным флагом для защиты от репрессий и нарушения прав человека. Когда Индия совершила интервенцию в Бенгалию до создания Бангладеш, или Вьетнам — в Камбоджу во времена красных кхмеров, или Танзания — в Уганду в правление Иди Амина, они оправдывали это как контринтервенцию или же ссылались на угрозу безопасности, даже если можно было выдвинуть убедительные причины для гуманитарных действий. Более того, ни одна страна не выступила в защиту принципа одностороннего гуманитарного вмешательства, так как это открыло бы «ящик Пандоры» в межгосударственных отношениях.

А как насчет коллективного вмешательства, разрешенного Советом Безопасности? Не эта ли возможность, стимулированная репрессиями Ирака против его курдского и шиитского населения, реализовалась на последних стадиях войны в Персидском заливе в 1991 г.?

В политическом отношении коллективная безопасность, — даже при основной организаторской роли Соединенных Штатов, — формально действовала впервые с тех пор, как прекратилась холодная война, обрекавшая Совет Безопасности на бездействие. Впрочем, Совет не обошел статью 2(7) Хартии ООН, разрешая вмешательство для защиты прав человека — не в Кувейте и, конечно, не в Ираке. Во всех резолюциях Совета Безопасности до и во время войны в Заливе говорилось о применении силы для удаления иракских войск из Кувейта и для восстановления «международного мира и безопасности»¹¹. За пределы этого решения не выходило также развертывание войск США, Британии и Франции в Северном Ираке в апреле 1991 г., так как резолюцией Совета Безопасности от 5 апреля устанавливалось, что последствия репрессивной политики Ирака, включая поток беженцев через ирако-турецкую границу, угрожают миру и безопасности за пределами иракской территории.

В Ираке военное вмешательство союзных войск, в дальнейшем замененных силами ООН, не было легитимизировано как чисто гуманитарное вмешательство. В той степени, в какой действовали гуманитарные мотивы, можно сказать, что вмешательство способствовало спасению политических дивидендов операции «Буря в пустыне» перед лицом международного общественного мнения. Крупные союзные державы стремились вначале строго применять правило невмешательства, когда иракские войска были удалены из Кувейта¹². Война в Персидском заливе и ее последствия никоим образом не предполагают, что гуманитарное вмешательство является в настоящее время оперативным принципом в международных делах.

Революционные события в Восточной Европе и распад Советского Союза также не означают, что суверенную государственность заменяет принцип национальности. Советский Союз распался изнутри. Балтийские республики были признаны международным сообществом, лишь когда имперский контроль фактически прекратился. Ни одна иностранная держава никогда не собиралась насильственно освобождать Прибалтику.

Несколько более сложным представляется югославский кризис. Здесь иностранное признание Хорватии (и Словении) произошло в период гражданской войны, но вмешательство ООН, которому предшествовало беспорядочное посредничество Европейского Совета, ставило цель способствовать перемирию, основанному на согласии борющихся сторон. Некоторые европейские страны, такие как Германия и Италия, в этом случае вроде бы сочувствовали национальному самоопределению, основанному на развитии культуры народов. Но постоянные члены Совета Безопасности — Соединенные Штаты, Россия, Франция и Великобритания — упорно повторяли, что такие дестабилизирующие принципы поддержаны не будут. Главными причинами тревоги других государств и их вмешательства были гражданская война и возможность ее разрушительного распространения на весь регион. Даже югославский кризис не свидетельствует о том, что какая-либо идея — принцип национального самоопределения, противопоставленный суверенной государственности, или идея введения прав человека

извне — имеют сейчас международный приоритет. Югославия уже распалась изнутри в продолжительной гражданской войне, когда в конфликт вмешались международные организации.

Распад многонациональных коммунистических государств продемонстрировал правовой кризис суверенной государственности, но кризис этот далеко зашел и во многих постколониальных государствах во время холодной войны. Принцип суверенности и территориальной целостности государств, видимо, не поколеблен в своей основе недавними событиями.

Международное движение за права человека также добилось соглашений, отрицающих полный суверенитет установленных правительств. В этом отношении брешь между суверенитетом и правом теперь расширилась, но едва ли существует новый порядок, при котором право действительно посягает на осуществление суверенитета.

З а к л ю ч е н и е и л и п о ч е м у п р о и г р а л и к у р д ы И р а к а. Суверенитет и невмешательство составляют высшую международную норму и после холодной войны. Тем не менее существует дилемма в концепциях суверенитета и права, причем идея всеобщих прав человека — на стороне необязательного права¹³. С другой стороны, принцип национального самоопределения колеблется внутри этой дилеммы. К нему взывают суверенные государства, когда им угрожают внешние силы, к нему же взывают внутренние силы, стремящиеся к автономии или отделению, которым угрожают репрессии государственных властей. Требования самоопределения с одной стороны постоянно сталкиваются с соответствующими требованиями с другой. Соображения порядка, исходящие из того факта, что международные отношения основаны на государственной системе, больше склоняются в пользу суверенитета.

Иракские курды проиграли потому, что вмешательство в их поддержку не было основано на применении общего принципа гуманитарного вмешательства или поддержки национальных прав. Это вмешательство вызвало негативную реакцию международного общественного мнения, усматривавшего в подобной акции возможность развязывания войны; имелся также риск возникновения хаоса с нарушением международных границ. Кроме того, противники вмешательства считали, что первоначальная насильственная интервенция против Ирака произошла в контексте, сформированном великодержавными интересами. Эти факторы означали, что пределы поддержки для курдов очень ограничены.

Главное общее препятствие гуманитарному вмешательству заключается, быть может, в том, что его никак нельзя изолировать от более широких последствий. Оно обязательно подействует на политическую структуру соответствующих стран, будь то Ирак или Югославия. Здесь опять суверенитет противоречит праву, а доводы в пользу самоопределения колеблются между противоположными краями этой дилеммы.

Перевод Ш. А. Богинной

Примечания

¹ *Freedman L.* Order and Disorder in the New World//Foreign Affairs. 1991/92. V. 81. № 1; *Hoffman S.* Delusions of World Order//The New York Review of Books. 1992. V. XXXIX. № 7. April 9; *Mayall J.* Non-Intervention, Self-Determination and the New World Order//International Affairs. 1991. V. 67. № 3. July; *idem.* Nationalism and International Security after the Cold War//Survival. 1992. Spring.

² *Hannum H.* Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. Philadelphia, 1990.

³ *James A.* Sovereign Statehood. L., 1986.

⁴ *Asrat B.* Prohibition of Force under the UN Charter. Uppsala, 1991.

⁵ *Crawford James.* The Creation of States in International Law. Oxford, 1979.

⁶ *Ibidem.* P. 17 ff.

⁷ *Mazrui Ali A.* Towards a Pax Africana. L., 1967; *Jackson R. H.* Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge, 1990.

⁸ *Jennings I.* The Approach to Self-Government. Cambridge, 1956.

- ⁹ *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
¹⁰ *Akehurst M.* Humanitarian Intervention//Intervention in World Politics. Oxford, 1984.
¹¹ *Gardner R. N.* International Law and the Use of Force//Adelphi Papers. 266. IISS. L., 1991/92.
¹² *Mayall J.* Nationalism and International Security after the Cold War//Survival, 1992.
¹³ *Berman N.* Sovereignty in Abeyance: Self-Determination and International Law//Wisconsin International Law Journal. 1988. V. 7. № 1. Fall.

Sovereign Statehood and National Self-Determination

The international law system — the principles of state sovereignty and non-intervention, ethno-national self-determination, human rights including rights of minorities — is self-contradictory. This is shown by the development of the 20th century — the Versailles conference, the collapse of the colonial system, the activity of the United Nations. Special attention is paid to recent events — the aftermath of the Persian gulf war, the Yugoslav crisis, etc.

O. Osterud